

О революциях в Польше и Литве, драматической роли Горбачева в распаде СССР и реформах Гайдара

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1786>

🎤 28 октября 2014

Собеседник

Ясин Евгений Григорьевич

Ведущий

Винокурова Наталья Анатольевна

Дата записи

Беседа записана 28 октября 2014 и опубликована 22 апреля 2016.

Введение

Во второй беседе экономист, профессор НИУ ВШЭ Евгений Григорьевич Ясин размышляет о взаимосвязи политических и экономических решений. В качестве примеров ученый рассказывает о том, почему Горбачев утратил контроль над событиями в Вильнюсе в 1991 году, о причинах недоверия западных стран к СССР, о феномене реформаторской деятельности Егора Гайдара, а также об экономическом заимствовании как модели развития и роли либерализации цен в реформах 1990-х годов.

Наталья Анатольевна Винокурова: Евгений Григорьевич, я читала ваше интервью, и меня страшно удивила одна такая сцена: когда вы приехали за границу и нашли книжку Киссинджера*, и у вас не было денег, и вы ее стояли и читали, не отходя от...

* Генри Киссинджер – американский политик, дипломат и эксперт в области международных отношений. Советник по национальной безопасности США в 1969—1975 годах и Государственный секретарь США с 1973 по 1977 год. Лауреат Нобелевской премии мира 1973 года.

Евгений Григорьевич Ясин: Да, это в Финляндии было.

Н.В.: ...Я хотела просто, чтобы вы поподробнее рассказали, какое это на вас впечатление произвело. Как вы воспринимали это все?

Е.Я.: Понимаете, меня просто интересовал текст, в котором были названия каких-то событий мне известных, и он был мне недоступен, потому что был на английском языке. Это было в заграничном магазине, и поэтому я стоял и действительно интересовался, потому что нужно учесть специфику положения, в котором мы тогда находились. Я же не мог заказать ее или прочитать где-то в Интернете и прочее, поэтому я стоял и читал. Специально через столько лет вспомнить, что именно меня там поразило я затрудняюсь. В моей книжке, посвященной российской экономике, есть примечание, сопряженное с чтением этой книги. Книжка не одного Киссинджера и, по-моему, не Киссинджера, а вовсе Бжезинского...

Н.В.: А, Бжезинского.

Е.Я.: Да, Бжезинского*. Речь идет о коллективе, которым руководил Бжезинский в Гарвардском университете. И вот там он пишет о своем интересе к России, работа выполнялась накануне начала событий в России, где-то 83—84-й год. И он вспоминает знаменитые слова Гоголя относительно того, что вот наша Русь, как та тройка. Вот она несется, и вы обращаетесь к ней и спрашиваете: «Куда несешься ты?» — Не дает ответа. И так вот мы обращаемся к Руси, спрашиваем: «Русь, тройка, куда несешься ты?», — и она не дает ответа. И так пролетают времена, пролетают страны, и так далее, а она так же несется...

* Збигнев Бжезинский — американский политолог и социолог польского происхождения. Советник по национальной безопасности президента США Джими Картера в 1977—1981 годах. Один из основателей Трёхсторонней комиссии, её директор в 1973—1976 годах. Был одним из ведущих идеологов внешней политики США.

Н.В.: ...И ответа нет.

Е.Я.: Ответа нет.

Н.В.: А сам их анализ, подход, вам показался таким необычным, все-таки у нас уже сложился же к тому времени какой-то...

Е.Я.: ...Не сложился.

Н.В.: ... методология.

Е.Я.: У нас в таком жанре книги не писались и статьи не писались. Это у нас было связано с некой официальной формой и, в общем, если были такие, так сказать, записи, то они были в частном порядке и в публикациях я их не видел. Но там была более вольная форма этих записей и так далее, и я поэтому...

Н.В.: ... То есть не только содержание, но сама форма новая?

Е.Я.: Ну да, было для меня новым, потому что я же в этой области начал работать, и мне это стало интересно, а что они думают по этому вопросу, дескать, здесь я хожу и сам размышляю, а они там думают и какие-то исследования проводят и так далее. Это мне было интересно, но, прочитав подробно это введение, в котором они сравнивали Русь и тройку гоголевскую, а дальше они начинают гадать относительно того, что будет, что может случиться с Россией. И меня, конечно, заинтересовало то обстоятельство, что они говорят, что мы не ожидаем развития по либеральному направлению, потому что это связано с очень большими трудностями и так далее, вряд ли это случится. А мы также не полагаем, что будет развитие дальше идти по реакционному направлению, сохранению коммунистического режима

и так далее, потому что не случайно все эти события, или время, в которое мы живем, подводит нас к мысли, что в России ожидаются перемены. Вероятнее всего, это будет центральный вариант.

Н.В.: А это совпало с вашими представлениями, которые сложились в то время?

Е.Я.: Ну да, в основном. То, что я тогда читал и как я себе представлял...

Н.В.: Да, вот это интересно.

Е.Я.: Интересно было то, что это было естественное предположение. Каждый человек, когда строит свои предположения, и он хочет как-то их обосновать в таких случаях, он берет один вариант, более крайний с левой стороны...

Н.В.: ...Ну да, сценарий...

Е.Я.: Другой вариант, или сценарий, с правой стороны и в центре вырисовывает какую-то картину, которая ему кажется более вероятной.

Н.В.: А у вас к тому времени такая тоже сложилась картина более вероятная?

Е.Я.: Ну да, да.

Н.В.: Совпала с ними?

Е.Я.: Да. Но, понимаете, в чем дело, вы поймите, это естественно, когда люди в одном кругу мыслей, так сказать, представляющие, что происходит в мире, то очень вероятно, что эти представления совпадут. Но потом получилось не так: мы пошли по неожиданному, более либеральному, более радикальному пути. Но это было, действительно...

Н.В.: ...И для них неожиданно.

Е.Я.: И для них это было неожиданно.

Н.В.: А вот вас тогда не насторожило, ведь все-таки Бжезинский у нас всегда рассматривался как такая фигура демоническая, враждебная, у вас не было такого предубеждения?

Е.Я.: Это же не он, это все-таки люди, которые, так сказать, с ним работали и которые по этим вопросам придерживались разных взглядов. А потом такие очевидные вещи, когда это не просто описание личных взглядов или симпатий и так далее, а старание, желание общее определить какой-то наиболее вероятный путь дальнейшего развития, обычно такие крайности не вырисовываются. И у меня не было такого взгляда. Я вспоминаю, что когда мы потом писали соответствующие материалы с Явлинским, то я доказывал ему, что будет такой умеренный вариант потому что это более здраво, это может привести к более благоприятным результатам и так далее.

” После этого события развивались, и в начале 90-го года, после того, как подвинулись события в Польше, и там был реализован вариант шоковой терапии, у меня исчезло ощущение, что мы у себя сможем вот этот умеренный сценарий реализовать.

Н.В.: То есть вам польский путь показался близким для нас.

Е.Я.: Да, он мне подсказал, что такие решительные шаги, не укладывающиеся совершенно в умеренность, в сценарий умеренности, возможны у нас. Больше того, потом, пока не произошли эти события в августе 91-го года, мне все время казалось, что мы должны идти по такому более радикальному пути, потому что иначе просто не добьемся успеха.

Н.В.: Вот это — шаг за шагом?

Е.Я.: Да, да.

Н.В.: Ну да, да, понятно. А я спросила про Бжезинского, потому что это вообще у всех традиционных экономистов было: они не то что не знали, но и не доверяли оценкам запада. Ведь сейчас этот антиамериканизм тоже очень силен.

Е.Я.: Но я не относился к числу людей, которые не доверяли. Я кому доверял, кому не доверял, но к этой работе, с которой я познакомился в финском магазине, я как раз отнесся вполне с доверием, потому что это было близко моим взглядам. Но не забывайте, что я работал в ЦЭМИ*, в ЦЭМИ была более-менее свободная обстановка. И была определенная конструкция советской системы, и ясно было, что она имеет шансы вести нас к неудачам, но я настраивался, в противовес этому в более радикальном варианте. В этом смысле я, может быть, отличался от тех, кто читал подобного рода вещи с непрофессиональной точки зрения. Я вам говорю, что тогда у меня было, так сказать, единство, примерно представление такое же, как у тех людей, которые писали эту книгу. Причем не так, чтобы я его почерпнул, из этого чтения, но мне было интересно, что наши взгляды действительно с этими пересекаются.

* ЦЭМИ — Центральный экономико-математический институт РАН.

Н.В.: Ну да, видение. А вы к Бальцеровичу* ездили, наверное, в Польшу тоже?

* Лешек Бальцерович — польский экономист и политик, представитель монетаризма. Организатор и идейный вдохновитель польских экономических реформ (так называемой «шоковой терапии» или «План Бальцеровича») — ускоренного перехода страны с плановой экономикой в страну с рыночным хозяйством.

Е.Я.: Я к Бальцеровичу не ездил, но он здесь был дважды. И мы близки, мы дружим с ним, и, в общем, это такие, нормальные связи.

Н.В.: А он как видел то, что может быть в России? Он тоже считал, что радикальная реформа возможна?

Е.Я.: Да.

Н.В.: Да?

Е.Я.: Скорее так: я бы сказал, есть такая группа радикальных экономистов, сравнительно радикальных, потому что это не радикальность наша. Но в остальном я не могу применить термин «радикализм», потому что мы не предлагали никаких таких мер, которые были невозможны к реализации, скажем, без насилия и так далее. Но была такая сравнительно небольшая группа российских экономистов, которые работали в масштабе страны, которые размышляли так же, как и их коллеги в Польше и в других странах Восточной Европы, где предстояли такие же преобразования. Скажем, в Чехии, в Венгрии у нас были тоже союзники или люди, которые имели примерно такие же взгляды.

Н.В.: Ну да, в Венгрии же очень хорошо тоже прошли реформы, успешно.

Е.Я.: Да, там они готовились. На самом деле и в Чехии были люди, которые не продемонстрировали себя в качестве сторонников, скажем, Дубчека* и Черника**, это премьер-министр, который проводил реформу, или Шика***, но которые в течение всего времени до начала событий в ноябре 98-го года... Нет, извините, в ноябре 90-го или 89-го года, я не помню, когда, но, по-моему, 88-й — 89-й. Когда начались перемены в Восточной Европе, они все изучали польский опыт и смотрели на него с точки зрения, насколько можно им воспользоваться. Но в общем реально воспользовались, пожалуй, только русские. Это был Гайдар...

* Александр Дубчек — чехословацкий государственный и общественный деятель. Первый секретарь ЦК КП Чехословакии в 1968 – 1969 годах, один из инициаторов и руководителей процесса реформ в Чехословакии, вошедших в историю под названием «Пражская весна».

** Олдржих Черник — чехословацкий государственный и политический деятель, премьер-министр ЧССР в 1968—1970 годах.

*** Ота Шик — чехословацкий экономист и политик, вице-премьер ЧССР в 1968, один из лидеров «Пражской весны». Участник антинацистского Сопротивления, узник концлагеря Маутхаузен. Автор экономической программы чехословацких реформ в духе рыночного социализма, идеолог экономической демократии и социалистического «третьего пути». Экономический советник президента Чехословакии Вацлава Гавела в 1990. Профессор швейцарского Университета Санкт-Галлена.

Н.В.: ...А так каждый шел своим собственным путем?

Е.Я.: Ну нет, там было много похожего, но все-таки условия были разные. И режим Ярузельского* был достаточно жестким, и делать какие-то шаги к реформам, так же, как, скажем, это было в Чехии... в Венгрии, где были бархатные такие революции и так далее, там было легче, потому что...

Н.В.: ...потому что общество было готово.

Е.Я.: Да-да-да, более готово. Здесь это было труднее, вернее, не труднее, потому что «Солидарность» очень здорово подготовила поворот в событиях. Но во всяком случае поляки были более радикальны. И как раз носителями этой радикальности был Бальцерович и его заместитель Марек Домбровский**. Вот мы с ними дружим и дружили раньше.

Н.В.: И до сих пор.

Е.Я.: Да.

* Войцех Ярузельский — польский военный и государственный деятель, первый президент посткоммунистической Республики Польша (1989—1990). Был обвиняем в совершении преступлений в годы «коммунистического режима», в частности, во введении военного положения в Польше в ночь с 12 на 13 декабря 1981 года в разгар антиправительственных выступлений сторонников профсоюза «Солидарность», а также в «руководстве преступной организацией вооруженного характера, имевшей целью совершение преступлений» — имеется в виду Военный совет национального спасения, взявший в свои руки руководство страной. В августе 2011 года в связи с состоянием здоровья суд исключил Ярузельского из состава участников процесса по делу о введении военного положения.

** Марек Домбровский — доктор экономических наук, профессор, бывший председатель Правления CASE — Центра социально-экономических исследований в Варшаве, участник польских реформ.

О причинах американофобии в России. Распад советского блока

Н.В.: А почему сейчас такая американофобия, такое недоверие? Оно же массовое, как вам кажется, это только пропаганда или все-таки более серьезные традиции?

Е.Я.: Это пропаганда, без сомнения. Но это одновременно и такая пропаганда, которая с охотой воспринимается. И это связано с тем, что произошло во время этих событий. Напоминаю вам, что Ельцин зимой 90-го года во время событий в Вильнюсе, в Риге, выступал в защиту этих событий, говорил: «Ваша победа — это наша победа». И в общем там, в этих странах, к Ельцину такое, я бы сказал, из-за этих выступлений в первую очередь, доброжелательное отношение, доброжелательное.

Н.В.: В Прибалтике прежде всего?

Е.Я.: В Прибалтике и вообще в Восточной Европе, в Польше той же самой. Но в то же время, когда этот первый период и реакцию на, скажем, линию Ельцина мы пережили, через несколько лет проявилось важное обстоятельство: Россия искони, в течение многих лет и даже веков для этих стран Восточной Европы, которые западнее России, была источником подавления. Источником такого имперского давления и принуждения к определенному поведению, которое не было ни в национальных интересах, ни в интересах самих этих людей как представителей интеллигенции или профессиональных групп, которые занимаются этими проблемами. Это очень важный момент, его нужно уловить.

” Почему сейчас мы оказались в таком положении? Именно поэтому, потому что как бы мы ни старались показать нашим соседям с Запада, что мы стали другими, они не верили этому.

Они знали, что русские — это страна, это народ, который устанавливал свое господство, который нас покорял. И ожидать от них, что они сразу все полностью переменятся и что завтра у них будет

другой национальный характер, маловероятно.

Н.В.: Но все-таки Германия ведь тоже покоряла, а они как-то ей доверяют?

Е.Я.: Ну, Германия... Германий было две. Была Западная Германия, которая уже показала...

Н.В.: ...я имею в виду еще раньше, все-таки...

Е.Я.: Я понимаю, но они понимали, что те преобразования, те изменения, которые произошли в Германии... будущее Германии связано скорее с Западной Германией, чем с социалистической Восточной. Тем более, что эти все события в Восточной Европе, они начинались с того, что снесли эту берлинскую стену и так далее, и тому подобное. Поэтому на Восточную Германию смотрели как на некое препятствие для развития свободных стран, она как раз участвовала в общем движении. Но было известно, что Горбачев, когда обращались к нему лидеры этих восточноевропейских социалистических стран и просили, чтобы он как-то поддержал их и так далее, он решил не поддерживать, он решил, что он будет как бы поддерживать движение в пользу изменения во всех социалистических странах, которые в конце концов установили бы иные отношения и с Советским Союзом. И сами руководители поняли, что они не могут опираться на Горбачева.

The Fall of the Berlin Wall. November, 1989

Н.В.: А поддержать их в каком смысле они просили, я не поняла?

Е.Я.: Они просили их поддержать в качестве просоветских лидеров. Ну, не знаю, Хоннекер, Кадар, там...

Н.В.: Понятно, поддержать режимы эти.

Е.Я.: Режимы эти поддержать, они же просоветские. «Вы же нас поставили, ну давайте, выполняйте свои, так сказать, обязательства». Но у Горбачева не было желания, понятно, он уже был другим, он ожидал, наоборот, что они его должны поддерживать, они — страны, народы, а не лидеры коммунистические.

Поэтому так и сложилось, что к нам в конечном счете было такое недоверчивое отношение, как к людям, которые не понимают, что за ними стоит народ, у которого есть такие склонности считать, что мы империя, не употребляя это слово, но который имеет право на определенное господство, на определенное, так сказать, навязывание своих симпатий и прочее. Но в других странах это вызывало как раз противоположную реакцию, они, даже если мы своим поведением не заслуживали особых претензий и так далее, они все равно их выдвигали. И тут сделать так, чтобы следов этого вообще не было, невозможно.

Вы понимаете, то, что тогда происходило, это ж происходило не только в восточноевропейских странах, это было и в западноевропейских странах, в Америке и так далее. Но время от времени при общем доброжелательном отношении тем не менее проскальзывали такие моменты: ну мы же вас победили, ну вы же проиграли Холодную войну — ну дальше вы должны меняться, а не мы. У нас все в порядке, у нас, так сказать, движение к образцу, мы уже движемся давно, и все у нас в порядке, а у нас есть основания вам не доверять. Так я бы сказал в очень мягкой форме.

Н.В.: Вот сейчас складывается так.

Е.Я.: Ну вот, да.

Н.В.: Вот, кстати, то, что вы говорите, это же Мэтлок тоже писал, бывший американский посол, который колоссальную роль сыграл в горбачевские времена, и в Литве он, и, по-моему, тут очень активно себя вел.

Е.Я.: Да, ну, под конец-то, знаете, Горбачев себя вел тоже довольно странно, потому что у него позиция была двойственная. Видимо, были какие-то события, о которых его коллеги и он сам предпочитают не говорить, о событиях и дискуссиях на Политбюро ЦК КПСС. И среди членов будущего ГКЧП был определенный разговор, в том числе с участием Горбачева, где они ему сказали (я сам для себя такую картину выстроил, из анализа его поведения), что, дорогой мой, мы, конечно, проголосовали в свое время за тебя, и, там, до какого-то времени ты был... вызывал наше доверие и так далее, но сейчас ситуация такая — ты теряешь управление, и поэтому мы теряем доверие к тебе. Значит, вести себя надо так, и если ты будешь вести себя так, как мы хотим, то тогда мы тебя поддержим еще. А если ты будешь уклоняться, ты не будешь защищать нашу общую коммунистическую власть и так далее, с минимальным... Мы понимаем необходимость перемен, но все-таки все выбрасывать нельзя, что-то важное должно остаться. Если ты будешь как бы переступать черту, то тогда мы выступим против тебя, и ты лишишься власти. И, видимо, это все продолжалось, все это явно...

Н.В.: ...Вы это чувствовали, да, будучи там все-таки?

Е.Я.: Ну, чувствовали, потому что эту программу, которую мы написали и к которой он сначала относился, так, благожелательно, это программа «Пятьсот дней»...

Н.В.: ...Да-да-да.

Е.Я.: Она была отвергнута. Вот и отсюда мои были сомнения...

Н.В.: ...Что он испугался.

Е.Я.: Да. А потом были события в Вильнюсе, потом были события в Риге, где участвовали воинские части, это было ясно, что просто так это не происходит. И когда есть какие-то разногласия в верхах, то как-то регулируются отношения, и определенных лиц принуждают к определенному поведению. Мы понимали, — ну, как понимали? Это, может быть, слишком сильно сказано. Мы предполагали, что Горбачев оказался под давлением. Его поведение, его как бы развитие политической ситуации идет не в его пользу, его отодвигают, и он не может так, как раньше энергично выступать и последовательно защищать свои идеи. Я думаю, что на самом деле он находился между более радикальными реформаторами, такими, как Яковлев, Шеварднадзе и так далее. А с другой стороны, были эти люди, как я предполагаю, это Крючков, там, Павлов...

Демонстрация на Манежной площади. Москва, 1991 © Lietuvos Respublikos Seimo archyvas

Н.В.: Те, кто потом...

Е.Я.: ...которые образовали ГКЧП, да. И он, хотя и был под влиянием последних, они, так сказать, в большей степени оказывали на него давление, ну, с, как сказать, я даже не знаю уже, с крайней позиции, прокоммунистической. Но он потом стал избегать этого и ушел от прямого воздействия тем, что он начал переговоры по вопросам судьбы СССР в этом, как это у него называлось, его усадьба, где он там вел...

Н.В.: Форос?

Е.Я.: Ново-Огарево.

Н.В.: А, в Огарево.

Е.Я.: Да, в Ново-Огарево он начал эти переговоры с разными республиками и так далее о пересмотре политического статуса Советского Союза, и там они договаривались, значит, и Ельцин участвовал в этом и так далее, явно к неудовольствию своих бывших партийных товарищей. Короче говоря, когда уже он собирался все объявить о достижениях, наступило 19 августа, и эти люди образовали комитет ГКЧП и провели определенные акции, в том числе и то, что они его не стали выпускать из...

Н.В.: ...Ну да, там уже, в Крыму.

Е.Я.: В Крыму, да, вот.

Н.В.: То есть он трагическая фигура, вот, на ваш взгляд?

Е.Я.: Ну, я не сказал бы, что он совсем трагическая, но он драматическая фигура. Так, несколько послабее.

” Но под конец он утратил контроль над событиями. Это ясно было, потому что его поведение контролировали вот эти ребята, партийные, в период переговоров в Ново-Огарево. А затем уже власть перехватил Ельцин, и он его окончательно вывел в отставку. Так что это судьба была Горбачева.

С Восточной Европой мы были связаны не непосредственно, высшие лидеры, а были связаны те, кто нацеливался на реформы. И поэтому Бальцеревич и другие — это были люди профессионалы и реформаторы. Им в России соответствуют такие люди, как Гайдар, Чубайс, их ближайшие...

Н.В.: ...Те, кого младореформаторами называют.

Е.Я.: Ну, да. Но тогда они еще...Но можно так сказать. Вот они поддерживали прямые контакты и придавали некий новый образ России. Насколько долго — сейчас мы можем сказать, что не очень, это было до 98-го года.

О реформах и советской элите

Н.В.: А вот как вы оцениваете, что все-таки при реформировании и как должно идти? Вначале экономика, потом политика, либерализация, или...? Одновременно же как-то не получается.

Е.Я.: Я так полагаю: первое, для того чтобы проводить экономические реформы, самые необходимые, нужно иметь определенные политические решения — решимость эти реформы проводить, и неважно, верите вы в то, что вы немедленно добьетесь успеха, в том числе политического, или не добьетесь — это неважно. Важно то, что, чтобы начать, надо решиться. И вот это решение о том, что мы приступаем, оно должно быть. И оно было, это решение.

Решение мог принять только высший руководитель, это был Ельцин. У него было некоторое количество людей, очень небольшое, которые его поддерживали, и самая главная фигура в этом его окружении был Гайдар.

Н.В.: Вы его назвали «гениальным Гайдаром» где-то, тоже в каком-то интервью. А в чем гениальность?

Е.Я.: Вот в том представлении о гениальности, которое я себе составил, он к этому, пожалуй, был ближе всего. Он соединял хорошие профессиональные знания, касающиеся экономики, политики, социологии, во-вторых, он принадлежал к обществу людей, которых можно назвать политической элитой Советского Союза. Он принадлежал к людям, которые понимали, они могли объединить вот эти все вещи, все эти профессиональные знания в нечто такое, что создает концентрацию мысли, необходимую для выработки плана.

Н.В.: А в эту элиту кто еще входил? Вот конкретно? Она же формировалась в советское время?

Е.Я.: Да. Ну, скажем, я бы мог сказать, что в нее из старшего поколения входило очень небольшое количество людей. Но я могу сказать, что те люди, которых я знал, скажем, это Петраков*, это Шаталин**, это их товарищи, наши, общие товарищи, мы же работали вместе. Шаталин работал с Гайдаром в институте...

Н.В.: НИИ систем***, по-моему.

* Николай Яковлевич Петраков — российский экономист, политолог, член-корреспондент и академик АН СССР, академик РАН, директор Института проблем рынка РАН (с 1990), руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН.

** Станислав Сергеевич Шаталин — российский ученый-экономист и общественный деятель, академик АН СССР, академик-секретарь отделения экономики РАН.

*** Институт системного анализа Российской академии наук

Е.Я.: Да, да-да, и там работал Гвишиани, который руководил этим институтом, и который воспринимал его взгляды.

Н.В.: И Гвишиани как раз был такой американизированный, так я его представляла.

Е.Я.: Ну да, такой, я не знаю, он американизированный или нет, я не мог так это определить, но он был очень современный человек, понимающий гораздо больше, чем лидеры, которым он должен был объяснять эти вещи. И поэтому когда они первый раз докладывали, это все описано в книге Гайдара

«Дни поражений и побед», это вы можете прочитать.

Н.В.: Но Гайдар же теперь такая фигура которую просто считают погубителем России. (*Смеется.*)

Е.Я.: Я просто вам скажу: эти события, которые проходили в России, были неординарными. Они происходили по истечении семидесяти четырех лет правления коммунистов. Причем значительную часть этого времени, до 56-го года, это был такой очень жестокий террористический путь пройден, когда погибало большое количество людей, когда вернулись к жизни такие, я бы сказал, полуфеодалные, или даже хуже, методы государственного управления, которые были основаны на применении силы, на применении этих структур — этих силовых структур, и так далее. Это в Европе перед Первой мировой войной уже отсутствовало, этого не было и в России. Была тайная полиция, какие-то такие вещи были, но масштабы того, что потом было восстановлено в виде ЧК и так далее в России, этого, таких случаев до нацистской Германии или фашистской Италии не было известно. Это было сравнительно новое явление.

Н.В.: Но Россия до революции довольно-таки либеральной ведь была страной.

Е.Я.: Да, да. Во всяком случае, то, что мы там называли «тайная полиция», это появилось, опять вот, стало развиваться в конце правления...

Н.В.: ...Но отношение их, этих политических противников, к революционерам и террористам...

Е.Я.: ...Ну да, там это было как бы общество, в котором, как сейчас, оно хочет спокойствия, такое очень конформистское общество, то тогда оно было, наоборот, настроено на перемены. Большинство интеллигенции, большинство аристократии ожидали каких-то таких гражданских демократических перемен, которые сделают Россию подобной Европе. Но опять, Европе какой? Потому что появилась Германия, идеалы были где-то в Англии, во Франции. Короче говоря, то, что мы хотим быть демократической страной, эти взгляды разделялись очень широко. И самое главное, что важную роль играла интеллигенция и партии, которые появились. Они появились, они были умеренные, более умеренные, менее умеренные, радикальные, марксистские и так далее, но теоретически, возьмем с вами эсэровскую партию, все-таки это были все порождения европейского развития, они как бы на русской почве выросли немножко по-своему.

Но важно то, что в советское время это было все по-другому, и уже выросло, сложилось в довольно жесткую структуру, и которую боялись. Страх после сталинских репрессий и так далее, да и Андропов в свое время тоже был немягкий человек. Значит, страх был очень важным фактором, который сдерживал перемены.

О реформах конца 1980-х

Н.В.: А вы чувствовали вообще на себе вот лично этот страх?

Е.Я.: Нет.

Н.В.: Нет?

Е.Я.: Нет. Я понимал, что такое страх, и я понимал, чего боятся люди, но я работал, во-первых, за спиной Федоренко, во-вторых, я просто понимал, что как-то это все должно двигаться, это так просто не будет, и время пришло. Я верил в то, что время пришло, и надо осуществить, реализовать открывающиеся возможности.

Н.В.: Евгений Григорьевич, меня все равно поражает, я вас вчера уже начала спрашивать, как это окружение (поскольку я в ЦЭМИ выросла) цэмисское, такое бурление мыслей, либеральная обстановка, Федоренко, абсолютно уникальный руководитель. И вроде бы вы были все такой единой командой, как потом пути разошлись? И такие разные взгляды. Расскажите. Как Петраков — я не могу все равно понять — как человек может за такой короткий промежуток времени кардинально изменить свои

взгляды?

Е.Я.: Понимаете, давайте так: вернемся к 89-му году. В это время состоялся Первый съезд народных депутатов. Ясно было, что это какое-то совершенно новое время, потому что, как говорил Марк Захаров, выступая по телевидению: «Это даже не театр. В театре такое не придумаешь, это жизнь». И это происходило, и мы верили, что эти перемены начались.

Экономисты от других людей, на мой взгляд, отличались тем, что они понимали: начались политические перемены, но эти политические перемены могут готовить экономические перемены, но не могут их заменить. И поэтому мы идем к тому, что развяжется экономический кризис, и его надо будет каким-то образом разрешать. И это будет не так, когда вы будете разрешать экономические проблемы, это не будет так радостно и так легко восприниматься. И это действительно не так легко и воспринималось. Но и все-таки надо иметь в виду, что наследие советских времен и эта пропаганда вся, и страх, и так далее, и тому подобное, они въелись в души большинства людей, которые жили, предположим, не в Москве и в Петербурге, в Ленинграде, а во всей российской глубинке и так далее, где привыкли люди, что там где-то далеко в Москве принимаются решения, происходят события, которые потом для всех имеют значение, но это не у них. Эта вся обстановка, она играла такую роль, что вроде это ничего так быстро не произойдет, это только начало, все медленно. И поэтому вокруг Горбачева всесоюзная была такая, общесоюзная, элита, там как раз и не было ощущения, что это скоро произойдет.

Н.В.: ...Вот Петраков как помощник Горбачева, он был, значит, за медленное...

Е.Я.: ...сторонником умеренного...

Н.В.: ...умеренного...

Е.Я.: И я был сторонником умеренного пути...

Н.В.: ...Да, да, но вы же, действительно...

Е.Я.: Но мы же видели, что назревают события, мы видели, как... эти самые... бывшие товарищи Горбачева принуждают его к тому, чтобы он поменял поведение. С другой стороны, мы чувствовали, что есть более решительно настроенные люди. В это время в Москве проходили демонстрации, их перенесли из центра, я помню, ходили мы на демонстрацию, ездили с моей беременной дочерью, еще так, не видно было, на кольцевую дорогу около Лужников, где проходили митинги и так далее. Но такое ощущение, что или сейчас, или никогда — оно было. И оно поддерживалось и развивалось Ельциным и той группой демократов, которые около него собрались.

Н.В.: А Ельцин в это верил, или он просто к власти рвался? Ему надо было противостоять Горбачеву?

Е.Я.: Ну, и то, и то, так нельзя сказать. Я не могу сказать, что у него было одно-единственное желание — это вынуть Горбачева и самому занять его место. Он не был тонким как бы, тонким мыслителем по поводу тех событий, которые происходили в России. Это относилось к Сахарову и относилось к другим людям, которые окружали Сахарова, но так это, я бы не сказал, что эта философия была разлита в воздухе, и только нужно было впитывать ее, и так далее, и тому подобное.

” Было множество разных точек зрения. Но у Ельцина было твердое ощущение, что если делать только то, что делает Горбачев, то ничего не случится.

Мы не знаем, когда мы, куда перейдем, вот просто чисто спокойное такое развитие событий, на которое рассчитывал Горбачев, Абалкин, Рыжков, другие окружающие их люди, он ощущал, я бы не сказал, что это было убеждение, у него были внутренние, внутренние эмоции, которые подсказывали ему, что если вы хотите добиться успеха, надо двигаться быстрее. Ну, и понятно, я не исключаю того, что, он считал, что на это более быстрое движение Горбачев не подходит, тем более не подходит Рыжков или еще кто-то,

— «А я, а я подхожу». И вот сам себе он, наверное, в этой ситуации отводил более важную роль следующего эшелона, я бы так сказал, это было как во времена Великой французской революции, сначала выходили эти... я забыл, как они называются, эта партия, которая шла перед якобинцами. И казалось, что они постепенно сделают людей счастливыми и так далее, и тому подобное, но тут нашлись более энергичные, более решительные якобинцы, которые требовали новых действий, в конце концов они этих ребят убрали, их казнили, и вместо них начали проводить эту якобинскую диктатуру. И дальше произошла следующая смена, в термидоре убрали этих радикалов — Робеспьера, других, а перед этим он убирал своих коллег — Дантона и прочих.

Н.В.: Значит, кто у нас, Гайдар у нас кто получается? В терминах Французской революции? *(Смеется.)*

Е.Я.: Он более радикальный. Это партия второго эшелона революции, потому что то, что в России происходила...

Н.В.: ...революция.

Е.Я.: Революция, и эту революцию подтолкнули те, кто сместил с Союзного центра партию, предыдущую партию власти.

О «буржуазной» революции в России

Н.В.: Евгений Григорьевич, но ведь это же буржуазная революция была все-таки, да? Это же буржуазная революция?

Е.Я.: Дорогая моя, я бы сказал так: да, можно сказать, буржуазная. Но буржуазная — это термин, применявшийся большевиками по отношению к той ситуации, в которой они играли роль более радикальной партии, к той революции, тогда эти термины «буржуазная», «пролетарская» и так далее, это все играло свою роль. Но нужно понимать, что у них были свои задачи, и они обозначали эти задачи и все элементы ситуации своими словами. Здесь была другая ситуация. Революция была буржуазная, в каком смысле? В том смысле, что она была нацелена на восстановление рыночной экономики, она была нацелена на восстановление и развитие капитализма, которые должны были запустить в действие те механизмы, которые сделали капиталистические страны более успешными, чем коммунистические. Вот мы проиграли, и для того, чтобы спасти Россию, надо ее вытащить в то положение, в котором она была перед революцией, но чтобы это развитие могло продолжаться дальше.

Это как раз задача, это мы понимали, в этом отношении не было больших различий в понимании ситуации между Петраковым и мною, или между Горбачевым и Ельциным, они прекрасно понимали, что в конце концов эти события, которые происходят в России, носят революционный характер...

Митинг в поддержку Бориса Ельцина. Москва, март 1993 г. © Фонд Егора Гайдара

Н.В.: Революционный, и все-таки это переход на путь капитализма. Хотя боялись говорить, произносить это вслух.

Е.Я.: Да. Да, они не хотели. Ну, скажем, Горбачев, он не хотел употреблять эти слова, он придумал вот это выражение, или он, или Яковлев, я не знаю кто: «Это революция, или это реформы в пределах социалистического выбора». Мы уже пробились в социализм, не надо убирать то, что позитивно, а вот давайте дальше, и чтобы рынок был, и так далее, и тому подобное, но без эксплуатации, и все. Понимаете? Но все-таки события, которые происходили... нельзя описывать в тех терминах, в которых описывали это большевики или марксисты и так далее. Вопрос не в том, что буржуазия стала первым классом, буржуазия не делала эту революцию, в России не было буржуазии, нужно было...

Н.В.: ...создать ее. (*Смеется.*)

Е.Я.: ...Создать заново ее как класс, и уже были другие слова.

Н.В.: (*продолжая смеяться*) Я имела в виду буржуазную революцию в том смысле, что она создавала буржуазию.

Е.Я.: Да. Но вот это как раз, это все и было самым важным. Собственно суть событий в конечном счете, решающий момент, заключался в том, чтобы, вы спрашивали: вперед экономика или вперед политика?

Н.В.: Да, да.

Е.Я.: Пока я вам отвечал, что политика, потому что без политики нельзя было добраться до экономики. Но если вы уже создали соответствующие политические инструменты, будьте добры, сделайте...

Н.В.: ...экономику.

Е.Я.: Экономику. И как раз это и был такой, с моей точки зрения, принципиальный момент.

Н.В.: А вот все-таки Гайдара в основном критикуют, во всяком случае, в нашем нынешнем экономическом кругу, не в «Вышке», а в Академии наук, за то, что он, его реформы открыли страну и тем самым сделали ее абсолютно неконкурентоспособной.

Е.Я.: Так она же и была, она была неконкурентоспособной не поэтому...

Н.В.: ...Ну да, она была, конечно, но как бы показал, что она неконкурентоспособная, и в результате мы, кроме нефти и газа...

Е.Я.: ...ничего не можем делать.

Н.В.: Ничего не можем делать.

Е.Я.: Ну, а как это сделать иначе, вы знаете?

Н.В.: Нет, я не знаю.

Е.Я.: Вот как сделать так, чтобы в России, в этой стране, которая в течение семидесяти четырех лет была коммунистической, которая была потом в течение сорока лет лидером социалистического лагеря и которая изолировала в каком-то смысле это пространство, открывая во все страны возможности приобретения своих товаров, которые, может быть, и не были лучшими, но они были дешевле и так далее, и это была — такие закрытые рынки и так далее, — в котором Россия или Советский Союз казались более конкурентоспособными, чем они были на самом деле.

Н.В.: Ну, это понятно, чем они были на самом деле в мировой экономике, в глобальном масштабе.

Е.Я.: Совершенно верно. Но чтобы стать конкурентоспособными на самом деле, для этого нужно было создать рынок, и уже в условиях рынка, в мучительных условиях борьбы со своими конкурентами и так далее, научиться что-то делать.

Н.В.: Вот это страшно тогда и сейчас говорят об этом, как только мы открылись, и выяснилось, не только для мира, но и для нас, что мы неконкурентоспособны...

Е.Я.: ...да.

Н.В.: ...и поэтому вся промышленность погибла, погибла и легкая промышленность и так далее, и так далее, то есть восстанавливать с нуля пришлось.

О возможных путях развития российской экономики

Е.Я.: Ну, во многом еще не пришлось. Потому что у вас действительно было, оказалось спасение, это спасение было не вооружение, а нефть и газ.

Н.В.: Нефть и газ. Это было же, вы и сами говорили в прошлый раз, что это было и в советское время, в брежневское время.

Е.Я.: Да, да, да. Но перед этим Россия еще в царское время в основном опиралась на сельское хозяйство, на аграрный сектор, на то, что она вывозила хлеб или зерновые, потом она построила металлургию, она построила, машиностроительные какие-то предприятия, она что-то могла вывозить, но это никогда... Сырье скорее было профилем на буржуазном...

Н.В.: ...Но она шла, Россия в то время шла путем заимствования. А вы сейчас считаете, у нас Полтерович* очень сильно продвигает эту идею, что Россия должна идти путем заимствования, как идет Китай, да? Согласны вы с этим?

* Полтерович Виктор Меерович — российский экономист, кандидат физико-математических наук, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН по Отделению экономики, академик РАН, президент Новой экономической ассоциации

Е.Я.: Я не знаю, как идет Китай, он лучше меня разбирается, но я...

Н.В.: ...Ну да, он приводит пример Китая, который, в общем, заимствует...

Е.Я.: ...Но я считаю, что мы должны пройти нормальный путь, нам, как говорится, господь дал возможности в виде нефти и газа, что какое-то время мы можем опираться на это и имеем некий запас времени для того, чтобы научиться войти в условия глобальной экономики. Китай делает ставку не на нефть и газ, он делает ставку на дешевизну рабочей силы.

Н.В.: Ну это понятно, да.

Е.Я.: У каждого свое.

Н.В.: Но он идет по пути заимствования, то есть он технологии пока заимствует.

Е.Я.: Вот заимствовать технологию. Сначала приспособиться, как люди или бизнесы, которые подхватывают какие-то вещи более дешевые и так далее, не такого хорошего качества, и начинают захватывать рынки, где соглашаются люди покупать их более дешевые товары, еще что-то в этом духе, и находите свои ниши. Потом вы поднимаетесь до того, что вы владеете уже лучшими образцами заимствованной технологии, затем вы начинаете создавать собственные новации.

Н.В.: Вкладывая деньги.

Е.Я.: Да.

Н.В.: Евгений Григорьевич, я боюсь, чтобы мы успели, вот то, о чем я говорила, что все-таки молодежь очень переживает, что сейчас ждет нашу страну в связи с этой новой ситуацией, в связи с санкциями, падением цен на нефть и так далее, и так далее.

Е.Я.: Давайте взглянем на... Во-первых, что сделал Гайдар, бегло.

Н.В.: Да.

Е.Я.: Уже должно быть понятно, что тогда нужно было провести тесно связанный комплекс реформ, которые взаимно бы друг друга поддерживали и которые давали бы возможность укреплять этому новому сектору, рыночному сектору экономики. Для этого нужно было сделать: а) свободные цены. Почему свободные цены? Потому что либерализация цен открывает дорогу к формированию механизма согласования спроса и предложения...

Н.В.: ...Ну, к рынку.

Е.Я.: ...Цены становятся реальными показателями хозяйственной жизни. Для того чтобы заработали цены, для этого обязательно, во-первых, открытие экономики и возможность завоза зарубежных товаров, которые закрывают ниши и которые позволяют людям пережить этот самый тяжелый период. Во-вторых, это значит свобода предпринимательства со всеми делами, и следующий момент — вам нужно проводить жесткую финансовую политику для того, чтобы цены бесконечно не росли и чтобы, в конце концов, можно было добиться их равновесия. Очень большая нужна была жесткость и так далее. Затем в конце концов для того, чтобы этот механизм не просто на время, а навсегда закрепился, для этого нужна была приватизация, частная собственность, и нужно было создать класс людей, которые уже ради своих интересов бы действовали и...

Н.В.: ...Нет, ну эта цель, в общем, его цели, Гайдара, понятны, потому что это уже описано...

Е.Я.: Дорогая моя, но вот я вам назвал этот ряд, это то, что называется взаимосвязанный комплекс реформ, которые вы делаете, и тогда, если они получились, за более короткое время или менее короткое время, вы не можете это предсказать заранее, но если, если начинает работать рыночный механизм, хоть через год, через два, через пять лет — значит, получилось, пускай это не сразу все хорошо. Вот оно и получилось. И если сейчас мы будем говорить, получились реформы у Гайдара или не получились — получились. Потому что вы идете в магазин, там товаров полно, вы хотите пойти в какой-то ресторан — ресторанов в Москве полно, вы хотите начать какое-то дело — такая возможность есть. Получилось. Вы скажете: этого мало, можно было сделать лучше, надо было сделать лучше, но история дает какие-то возможности, а каких-то возможностей не дает.

” То, что рыночная экономика работает, это для меня самый главный признак того, что мы в самом главном победили.

А дальше мы видели, то есть не мы, все видели, что народ живет очень плохо, ситуация ухудшилась, что он устал, что он хочет какой-то другой жизни и так далее. И это после трансформационного кризиса, который где-то самый острый момент был в 98-м году, переходит в следующую фазу, когда приходят силы другие — вот Путин, который собирает своих людей, который говорит, что не будем торопиться, будем спокойно, не ликвидируя недостатков, то есть не ликвидировать достижений, связанных с уже созданным рынком, и так далее, в то же время сделаем все это более спокойно, роль государства повысим, сделаем более важную роль этим органам, которые обеспечивают стабильность, и так далее, и тому подобное. Ну, а дальше посмотрим, время покажет. Вы спросите меня: а он делал это не ради того, чтобы навсегда оставаться у власти? Ну, я не знаю. Вот так же, как Ельцин. Если бы мне Ельцин и сказал, что он это делал, нисколько не имея себя в виду, я бы ему не поверил. Он этого не говорил. Этот говорит, что я ничего для себя, но я не очень верю. Но вы не разделите мотивы людей, которые принимают участие в реальной истории. Поэтому мы видим, что Ельцину удалось. Он думал, что не удалось, но это все слишком дорого обошлось, но тем не менее основные задачи этих реформ решить удалось. Затем появился другой правитель и другая фаза в развитии этой истории России, где была уже не революция, где должна была идти более спокойная модернизация и так далее, и тому подобное. Она успешная? Если я бы стал говорить, что она не успешная, я бы соврал, потому что я тоже пристрастен и так далее, но я стараюсь быть трезво мыслящим...

Н.В.: Но вы еще в 2010-м году писали, что ситуация не такая плохая, что, в принципе, мы еще все можем.

Е.Я.: Да, да.

Н.В.: А сейчас вам как кажется?

Е.Я.: Все равно можем.

Н.В.: Можем?

Е.Я.: Можем, ничего страшного.

Н.В.: Я имею в виду экономику, вот даже не политику, а экономику.

Е.Я.: Экономику, в экономике сейчас ситуация ухудшается. И политика, которую проводит Путин, она не улучшает ситуацию. Но, с другой стороны, понимаете, вы попадаете в определенное положение, когда вы должны в экономике [пред]принять какие-то шаги, как, например, либерализация цен, — в то, в то время. А до тех пор, пока вы не создадите соответствующую общественную эмоциональную обстановку, что эти следующие шаги можно сделать, и что они будут пользоваться поддержкой, поддержкой, и что за это не схватят и не перестреляют, и так далее, до тех пор вы будете наблюдать за ухудшением. Но можно было обойтись без этого ухудшения? Я думаю, что можно было. Не надо было останавливать так резко все эти реформы, тогда надо было продолжать их более спокойно и добиваться успехов.

Вот сейчас я считаю, что мы уже подошли к довольно радикальной фазе, где потребуются решительные действия.

Пока Путин осуществляет решительные действия. Он только в другом направлении, потому что он рассчитывает на другой вариант развития событий, на то, что опять укрепится, так сказать, великая Россия, великая, ну «империя» он слово не говорит, ну важно, что это влияние, что мы будем иметь влияние на Украине, в других странах. Пускай это влияние не такое влияние, как Америка имеет, но мы будем. И для этого требуется сильное государство, сильная власть и так далее, он свои возможности для этого использует. Но я считаю, что у него уже этих возможностей нет. То, что ему повезло, то, что выкатила судьба, она ему дала подорожание нефти, газа...

Н.В.: Ну да, да-да, тучные годы такие.

Е.Я.: Да, тучные годы, и мировая обстановка была благоприятная, мы воспользовались. Теперь другая фаза, теперь надо двигаться...

Н.В.: ...А что теперь можно сделать? Вот что теперь, скажите, как это надо сделать?

Е.Я.: Теперь нужно двигаться в таком направлении, чтобы опять был более совершенный рынок, более свободные цены, меньше регулирования, но в то же время и больше демократии для того, чтобы общество контролировало эти процессы. Сказать, что они враз, в течение двух-трех лет, или даже пяти, все решится, все пройдет, установится, и будет все прекрасно, — нет, я так не считаю. Я не считаю, что можно было добиться гораздо принципиально лучших результатов, чем добился Путин, начиная с 2000-го года.

Н.В.: Ну да, в экономическом плане.

Е.Я.: Да, в экономическом плане. У него удача была, потому что нефть резко подорожала, газ подорожал, мы одна из самых богатых стран этими товарами, мы получили определенную возможность, и он за десять лет смог удвоить уровень жизни, который был в...

Н.В.: ...Но не использовали для экономического развития.

Е.Я.: Да. Вот то, что мы называем модернизацией, с моей точки зрения, по-настоящему, что должно выразиться в опережающем в области производительности труда по сравнению с передовыми странами, вот этого успеха мы не добились.

Н.В.: А как мы можем сейчас добиться этого, опережающей роли производительности труда?

Е.Я.: Надо дать людям больше образования, надо дать образованным людям больше науки, надо дать ученым людям больше возможностей для того, чтобы изобретать, создавать инновации, пробиваться на рынки и так далее. Инновации — это не пустое слово, инновации — это решающий фактор мирового развития.

Н.В.: У нас как-то, знаете, сейчас этот креативный класс, он идет только в сторону, я бы сказала, художественную, постмодернистскую, а вот этого креативного класса в науке и в изобретательстве, там, его же практически нет.

Е.Я.: Сейчас, к сожалению, ситуация такая, что многие люди из этого креативного класса, чтобы быть креативными, уезжают за рубеж. Но если вы думаете, что ничего креативного в России нет, это неправильно. Вот я наблюдаю, скажем, за определенной отраслью с помощью моего соседа по даче — Александр Николаевич Кричевский, — и у него какие-то фирмы, он имеет со своими коллегами завод рядом с Новосибирском, в городе Бердске, и так далее. И они придумывают какие-то новые технологии и продают их, и так далее. Вот я попросил, сейчас они должны мне подготовить примеры, как может или уже повысилась производительность с применением их изобретений, это биотехнологии.

Н.В.: Такой кейс просто, да-да-да.

Е.Я.: Биотехнологии. Эти люди есть, но их меньше. Было бы лучше, чтобы они никуда не удирали, чтобы настрой был бы такой, который был бы для них более благоприятен и так далее, но они есть, это вот я вижу. У меня, конечно, есть сомнения, что вот это недостаточно, только надо больше.

Н.В.: Вы знаете, сомнения большие, потому что такое ощущение, что и наука как-то заглохла за эти двадцать лет.

Е.Я.: Ну, есть проблемы. Есть проблемы.

Н.В.: Понимаете, в экономике, я понимаю, что ваш университет, что вы его создавали...

Е.Я.: Но дело в том, что наука, наука не идет без экономики, понимаете.

Н.В.: Да, да.

Е.Я.: Понимаете, это вечно. Вот какие-то были изобретатели в царской России, где они придумывали что-то, но это было для того, чтобы показать в Париже, а не для того, чтобы здесь реализовать. Тот же самый Эдисон, который изобрел лампочку, так же, как наш Яблочков, он это демонстрировал не в Париже, он это в Нью-Йорке, вместе с созданием сетей, вместе с придумыванием других вещей. Система заработала, он обогатился и так далее. Там капитализм работал. Этот капитализм теперь должен работать на нас. Ну, это другое, так я не могу сказать, как мы одержим победу. Но то, что такая возможность есть, я не сомневаюсь.

Н.В.: То, что вы оптимист, это, конечно, очень радует, потому что кругом одни пессимисты. (*Смеется.*) И, в принципе, сейчас прямо алармистские такие настроения, что мы погибнем, и ничего уже не будет. И говорят, что теперь от России останется только территория и России не будет.

Е.Я.: Но по крайней мере, я вам могу сказать, что один из немногих моментов в моей жизни, когда у меня не было заготовленных рецептов для оптимистов, чтобы действовать и так далее, он сейчас наступил, потому что делать надо одно, на мой вкус, а руководство страны, политика — в другом направлении, и когда закончится оно, в каком состоянии мы окажемся, я не понимаю, я не знаю. И вот предсказать это невозможно, и это такая, я бы сказал, очень высокая степень неопределенности, характерная для нашего нынешнего положения. Поэтому вы мне скажите, когда, как и так далее, я ответа не знаю.

Н.В.: То есть все-таки действительно высокая степень неопределенности,...

Е.Я.: Да, очень.

Н.В.: ... опять тройка-Русь...

Е.Я.: Да.

Н.В.: Постоянно. В 2000-м году я была в Швеции на конференции, которая так и называлась «Тройка-Русь, куда ты летишь?..», как-то прямо буквально так называлась. (*Смеется.*)

Е.Я.: «Куда несешься ты, дай ответ».

Н.В.: Да-да-да.

Е.Я.: Это такая необыкновенно интересная страна. Я уже не надеюсь дожить до того, как я еще один раз убежусь в том, что мой оптимизм оправдан, обоснован, но тем не менее у меня есть...

Н.В.: ...знаете, простите, что я возвращаюсь, Полтерович, когда он анализирует эти реформы, он говорит, что все-таки наша беда в том, что у нас в культурном отношении, в широком смысле культуры, что вообще население не было готово к этим реформам. И делать какие-то реформы, когда есть, пусть не сопротивление, но неприятие, невозможно.

Е.Я.: А как он, интересно, считает, что если мы бы сидели бы и ждали и ничего бы не делали, или мы бы готовили эти реформы медленно-медленно, через противоречия, которые были бы между интеллигенцией, бюрократией, и так далее, это что, было бы быстрее? Это было бы лучше? Ну, я не знаю. Потому что когда стал вопрос об изменении, об отмене крепостного права, то Николай Алексеевич Милютин говорит: давайте набросок, надо скорее принять решение. Ему говорили: мы не можем так торопиться, крестьяне не готовы, это не готово, это не готово, и мы не так хорошо написали указ. Он говорит: давайте, пока есть настроение у императора, давайте скорее сделаем, пускай начнется, пускай что-то уже появится, тогда будут следующие сдвиги, следующие изменения и так далее. И меня это его высказывание, с которым я познакомился сравнительно недавно, поразило, насколько это опять наше время, и так делается история, она никак иначе не делается. Вы хотите сразу выстроить какую-то картинку, вы занимаетесь художественным творчеством, ставьте спектакли, пишите романы, но вы не занимаетесь тогда политической деятельностью, не занимайтесь историей. Потому что когда вы будете думать, что у вас еще вот это, а потом это, а потом это, надо шаг за шагом делать, — у вас уже эту возможность отнимут.

Н.В.: Да-да, это очень исторический такой подход, глобальный такой философский подход.

Е.Я.: И вот этот Милютин, просто ради интереса вы должны знать, что здесь недалеко находится Милютинский переулок, и вы как-нибудь при случае зайдите, он начинается около Высшей школы экономики, уходит с правой стороны [Мясницкой] улицы к Садовому кольцу, нет к Бульварному кольцу. Там новое здание наше.

Н.В.: Да-да, у вас такое шикарное здание.

Е.Я.: Да. А вот за ним идет Милютинский переулок. И вы идете по нему к Бульварному кольцу, не доходя немного, вы видите старинную усадьбу, вернее, то, что вы примете за старинную усадьбу, какой-то служебный корпус, она в глубине, но тем не менее там было имение дворянской семьи Милютиных, где был Николай Алексеевич, младший брат, и Дмитрий Алексеевич, старший брат, но он был только на год старше своего брата Николая. Они сыграли очень важную роль в реформах эпохи Александра II. И для меня существенно не то, какие были важные решения, а сам характер, как они принимались. Потому что идет столкновение различных политических, сословных сил, и они каждый добивается своего. В конце концов каким-то образом таким людям, как Николай Алексеевич (начальник его [был] Сергей Степанович, по-моему, Ланской, бывший декабрист), таки добиваются того, чтоб император подписал, и крестьяне стали свободными.

Н.В.: А потом уже критикуют, что освободили без земли...

Е.Я.: А потом возвраты, критика — выросло поколение революционеров, которые хотят убивать царей и убивать этих самых крепостников, террористическое направление «Народная воля» вам известно. Но, тем не менее, история свой шаг вперед сделала.

Теперь вы меня спросите: ну, а сейчас-то она сделала? Я вам отвечаю: с моей точки зрения, сделала. Зайдите в магазин и посмотрите. Вы, конечно, моложе меня намного, но все-таки вы зайдете и вы увидите большую разницу с тем, что вы видели.

Н.В.: *(смеется)* Но, Евгений Григорьевич, мы долгие годы не могли привыкнуть. Заходя в магазин, мы думали, что мы в каком-то, где-то непонятно где, потому что все-таки мы помнили, у нас эти очереди, этот дефицит, он же настолько был глубоко в мозгах, что поверить было невозможно, что мы это видим, это, действительно...

Е.Я.: ...Но вот это было, в 90-м году...

Н.В.: ...сейчас это забылось, конечно, но, действительно, от этого не уйдешь.

Евгений Григорьевич, можно я вас чуть-чуть переведу: вот как вы воспринимаете, может быть, это даже вашего ученика — Глазьева*? То, что сейчас он?..

* Сергей Юрьевич Глазьев — российский экономист, политик. Бывший министр внешнеэкономических связей России, депутат Государственной думы, кандидат в президенты Российской Федерации (2004).

Е.Я.: Ну, он здесь диплом писал. Отрицательно.

Н.В.: Как вы относитесь к тому, что он говорит? Вот к его политике?

Е.Я.: Я отношусь отрицательно практически ко всему, что он предлагает. Это как раз оправдание того, другого пути, которым идет в значительной степени господин Путин, и против чего возражают, насколько я понимаю, в глубине души и в своих убеждениях, многие его соратники, которые работают в правительстве, которые работают в Центральном банке, какими-то фрагментами занимаются тоже скорее либеральными мерами.

Н.В.: Глазьев же против политики Центрального банка?

Е.Я.: Нет, я за.

Н.В.: Нет, Глазьев, я имею в виду.

Е.Я.: Глазьев против.

Н.В.: Против политики?

Е.Я.: Да. Да. Ну, вот тогда когда...

Н.В.: ...Он между инфляцией и ставками, он все-таки делает...

Е.Я.: Он инфляции не боится.

Н.В.: Да, он инфляции не боится, он хочет, чтобы снижались...

Е.Я.: Он хочет, чтобы просто больше делали, чтобы было больше порядка, чтобы мы двигались быстро, и чтобы, неважно, кто хозяин и так далее. Это все пускай государство делает. Он представитель этих всех бюрократических взглядов.

Н.В.: А как так получилось? Как из такого, вашего ученика...

Е.Я.: ...Это у него никак не получилось...

Н.В.: ...Как из вашего ученика вырос...

Е.Я.: Нет. Когда он писал диплом, в нем уже все эти убеждения были. Я очень был удивлен, когда увидел его в окружении Гайдара и так далее, но просто, видимо, ощущение приближающихся перемен подтолкнуло его.

Н.В.: Ну да, он же первое время, по-моему, примыкал к лагерю реформаторов.

Е.Я.: Ну, примыкал, только в 93-м году он уже составлял списки лиц, которых надо арестовать. После победы народной революции, которая заседала тогда в здании парламента в Белом доме.

Н.В.: Это не слухи? Это действительно так?

Е.Я.: Ну, значит так. Вот так.

Н.В.: Вы меня прямо поразили в самое сердце. Глазьев же ученик Львова...

Е.Я.: ...Я хочу рассказать историю, которая касается моей жены и Гайдара. Это был 90-й год, мы вместе с ней были на семинаре в Шопроне, это где организовывал Институт экономического анализа в Вене, где тогда работал Петр Авен. И как-то после заседания, 90-й год, июль месяц, мы сидим в этом жарком Шопроне в кафе. А Гайдар напротив моей жены за столом, и она его спрашивает: «Ну, Егор, ну вот представь себе, что вам дают все возможности, и вы это всё делаете, освобождаете цены, и ты проводишь эту финансовую политику. И что, завтра появятся товары в магазинах? Их же нет, у тебя этих товаров нет,

как ты эту задачу решишь?» Он ей сказал так: «Лидия Алексеевна, я не знаю, как я решу эту задачу, но она обязательно будет решена. Все предпосылки возникнут». А то, что я вам сказал, вот эти вот реформы, которые взаимосвязаны, они, такое подходящее слово я вспомнил, они должны быть комплементарны, дополняющие друг друга, комплементарны. А значит, надо было делать.

Это было сделано. Это было сделано за год Гайдаром практически все. Более длительные меры, такие, как финансовая стабилизация была осуществлена в основном под руководством Чубайса до 97-го года. В 97-м году инфляция на свободном рынке уже составила одиннадцать процентов против двух с половиной тысяч в 92-м году. И еще приватизация была в основном завершена, массовая приватизация, в середине 94-го года. Эти вот два последних шага, создали в основном условия для функционирования рыночной экономики.

Пресс-конференция первого вице-премьера Егора Гайдара, 1992 г. © Александр Чумичев /ИТАР-ТАСС

Н.В.: ...Говорили, что массовая приватизация, так быстро, Гайдар настаивает, потому что главное, чтобы не вернулся коммунизм, вот главное — создать собственника, да?

Е.Я.: Ну, это условие необратимости реформ. А потом вот эта вся система без нормального функционирования частной собственности не работает.

Н.В.: Евгений Григорьевич, вы считаете, у нас вот создали собственников?

Е.Я.: Нет, я не считаю.

Н.В.: Неэффективно заработали ведь они, вот эти...

Е.Я.: Нет, неэффективно, конечно.

Н.В.: Да?

Е.Я.: Они не чувствуют доверия к власти, что-то делается...

Н.В.: ...У нас же собственность страшно неэффективна, причем на всех уровнях, что в мелком бизнесе, что в крупном.

Е.Я.: Понимаете, этот момент, когда...

Н.В.: ...Вот причина – это только недоверие к власти?

Е.Я.: Не только. Это другие институты были в течение всей истории в России, их нужно перестраивать, эти институты. Если вы делали революцию в Англии, где там отрубили голову королю и что-то там такое революционное делали, но все-таки это там уже прошло огораживание, уже был класс землевладельцев, уже был класс ремесленников, торговцев и так далее, страна была более готова. У нас нет, у нас в течение всего времени было... Частные собственники были, и они уже начиная с середины прошлого века были достаточно сильными, но все-таки, понимаете, когда в стране...

Н.В.: ...но они теневые были, в основном все-таки у нас как раз в прошлом веке, как раз частная собственность-то появлялась как теневая.

Е.Я.: Нет. Это было как у вас посадские люди, торговля...

Н.В.: ...А нет, в прошлом веке — я имею в виду XX-й, не XIX-й. (*Смеется.*)

Е.Я.: Ну да, нет, я XIX-й еще. Там все-таки было, но все-таки неуважение к людям, это глубокое, еще от существования всеми корнями в феодализме, где там есть разные сословия, разные нравы, это сказывалось. А потом, извините, еще и семьдесят лет советской власти. Это тяжело дается.